

Лев Николаевич Толстой

Произведения 1909-1910

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Т52

Т52 **Толстой Л.Н.**
Произведения 1909-1910 / Лев Николаевич Толстой – М.: Книга по Требова-
нию, 2012. – 626 с.

ISBN 978-5-4241-0716-0

Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений в 90 томах. Том 38.

ISBN 978-5-4241-0716-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ.

Тексты произведений, печатавшихся при жизни Толстого, а также тексты посмертных художественных произведений, печатаются по новой орфографии, но с воспроизведением больших букв во всех, без каких-либо исключений, случаях, когда в воспроизводимом тексте Толстого стоит большая буква, и начертаний до-гrotовской орфографии в тех случаях, когда эти начертания отражают произношение Толстого и лиц его круга («брычка», «цаловать»).

При воспроизведении текстов статей и незаконченных черновых редакций и вариантов художественных произведений, не печатавшихся при жизни Толстого, соблюдаются следующие правила.

Текст воспроизводится с соблюдением всех особенностей правописания, которое не унифицируется, т. е. в случаях различного написания одного и того же слова все эти различия воспроизводятся («этого» и «этого», «тетенька» и «тетинька»).

Слова, не написанные явно по рассеянности, вводятся в прямых скобках, без всякой оговорки.

В местоимении «что» над «о» ставится знак ударения в тех случаях, когда без этого было бы затруднено понимание. Это ударение не оговаривается в сноске.

Ударения (в «что» и других словах), поставленные самим Толстым, воспроизводятся, и это оговаривается в сноске.

Неполно написанные конечные буквы (как, напр., крючок вниз вместо конечного «ь» или конечных букв «ся» в глагольных формах) воспроизводятся полностью без каких-либо обозначений и оговорок.

Условные сокращения (т. н. аббревиатуры) типа «к^{ми}» вместо «который», и слова, написанные неполностью, воспроизводятся полностью, причем дополняемые буквы ставятся в прямых скобках: «к[отор]ый», «т[акъ] к[акъ]» — лишь в тех случаях, когда редактор сомневается в чтении.

Слитное написание слов, объясняемое лишь тем, что слова для экономии времени и сил писались без отрыва пера от бумаги, не воспроизводятся.

Описки (пропуски букв, перестановки букв, замены одной буквы другой) не воспроизводятся и не оговариваются в сносках, кроме тех случаев, когда редактор сомневается, является ли данное написание опиской.

Слова, написанные явно по рассеянности дважды, воспроизводятся один раз, но это оговаривается в сноске.

После слов, в чтении которых редактор сомневается, ставится знак вопроса в прямых скобках: [?]

На месте не поддающихся прочтению слов ставится: [1 неразобр.] [2 неразобр.], где цифры обозначают количество неразобранных слов.

Из зачеркнутого в рукописи воспроизводится (в сноске) лишь то, что редактор признает важным в том или другом отношении.

Незачеркнутое явно по рассеянности (или зачеркнутое сухим пером) рассматривается как зачеркнутое и не оговаривается.

Более или менее значительные по размерам места (абзац или несколько абзацев, глава или главы), перечеркнутые одной чертой или двумя чертами крест-на-крест и т. п., воспроизводятся не в сноске, а в самом тексте, и ставятся в ломаных < > скобках; но в отдельных случаях допускается воспроизведение в ломаных скобках в тексте, а не в сноске, и одного или нескольких зачеркнутых слов.

Написанное Толстым в скобках воспроизводится в круглых скобках. Подчеркнутое воспроизводится курсивом, дважды подчеркнутое — курсивом с оговоркой в сноске.

В отношении пунктуации соблюдаются следующие правила: 1) воспроизводятся все точки, знаки восклицательные и вопросительные, тире, двоеточия и многоточия (кроме случаев явно ошибочного написания); 2) из занятых воспроизводятся лишь поставленные согласно с общепринятой пунк-

туацией; 3) ставятся все знаки препинания в тех местах, где они отсутствуют с точки зрения общепринятой пунктуации, причем отсутствующие тире, двоеточия, кавычки и точки ставятся в самых редких случаях.

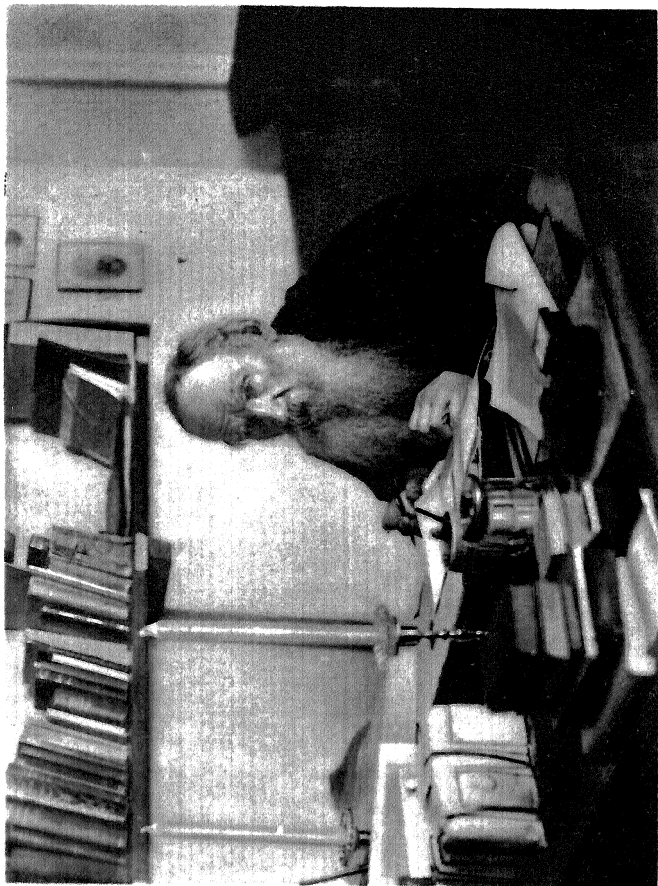
При воспроизведении многоточий Толстого ставится столько же точек, сколько стоит у Толстого.

Воспроизводятся все абзацы. Делаются отсутствующие в диалогах абзацы без оговорки в сноске, а в других, самых редких случаях — с оговоркой в сноске: А б з а ц р е д а к т о р а.

Примечания и переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие Толстому и печатаемые в сносках (внизу страницы), печатаются (петитом) без скобок.

Переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие редактору, печатаются в прямых скобках.

Пометы: *, **, * * *, * * * в оглавлении томов, на шмуц-титулах и в тексте, как при названиях произведений, так и при номерах вариантов, означают: * — что печатается впервые, ** — что напечатано после смерти Толстого, * * * — что не вошло ни в одно собрание сочинений Толстого и * * * — что ранее печаталось со значительными сокращениями и искажениями текста.

Л. Н. ТОЛСТОЙ
1900 г.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

1909 — 1910

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

ТРИ ДНЯ В ДЕРЕВНЕ.

Первый день.

БРОДЯЧИЕ ЛЮДИ.

В наше время по деревням завелось нечто совершенно новое, невиданное и неслыханное прежде. Каждый день в нашу деревню, состоящую из 80 дворов, приходят на ночлег от 6 до 12 холодных, голодных, оборванных прохожих.

Такие люди, оборванные, почти раздетые, разутые, часто больные, до последней степени грязные, приходят в деревню и идут к десятскому. Десятский же для того, чтобы эти люди не умерли на улице от холода и голода, разводит их по местным жителям, считая жителями только крестьян. Десятский не ведет их к помещику, у которого, кроме своих десяти комнат в доме, есть еще десятки помещений и в конторе, и в кучерской, и в прачешной, и в белой, и в черной людской, и в других заведениях; ни к священнику или дьякону, торговцу, у которых хоть и небольшие дома, но все-таки есть некоторый простор, а к тому крестьянину, у которого вся семья: жена, снохи, девки, большие и малые ребята, все в одной 7-ми, 8-ми, 10-тиаршинной горнице. И хозяин принимает этого голодного, холодного, вонючего, оборванного, грязного человека и дает ему не только ночлег, но и кормит его.

— Сам за стол сядешь, — говорил мне старик хозяин, — нельзя и его не позвать. А то и в душу не пойдет, и покормишь и чайком попоишь.

Таковы ночные постояльцы; но среди дня зайдут в каждый крестьянский дом не два, не три таких посетителя, а десять и больше. И то же: «нельзя же»....

И всякому баба, несмотря на то, что хлеба далеко не достает до новины, отрежет ломоть, смотря по человеку, потолще или потоньше.

— Коли всем подавать и на день ковриги не хватит,—говорили мне хозяйки.— Другой раз согресишь и откажешь.

И так это происходит каждый день по всей России. Огромная, с каждым годом все увеличивающаяся, армия нищих, калек, административно ссыльных, беспомощных стариков и, главное, безработных рабочих, — живет, помещается, т. е. укрывается от холода и непогоды, и кормится прямо непосредственно по-
10 мостью самого тяжело трудящегося и самого бедного сословия—деревенского крестьянства.

У нас есть работные, воспитательные дома, есть приказы общественного призрения, есть всякого рода благотворительные учреждения по городам. И во всех этих учреждениях, в зданиях с электрическими освещениями, паркетными полами, чистой прислугой и разными, с хорошим жалованьем, служащими, призрываются тысячи всякого рода беспомощных людей. Но как
20 ни много таких людей, все это только капля в море того огромного населения (цифра эта неизвестна, но должна быть огромна), которое теперь, нищенствуя, бродит по России и призрывается и кормится без всяких учреждений одним крестьянским деревенским народом, только своим христианским чувством побуждаемым к несению этой огромной и тяжелой повинности.

Только подумать о том, что заговорили бы живущие некрестьянскую жизнью люди, если бы в каждую спальню к ним ставили на ночь, хоть раз в неделю, одного такого измученного, изголодавшегося, грязного, вшивого прохожего. Крестьяне же не только помещают их, таких прохожих, но и кормят их и чаем поят, оттого, что «в душу самому не пойдет, если не посадить с собой за стол». (В глухих местах Саратовской, Тамбовской и других губерний крестьяне не дожидаются того, чтобы
30 десятский привел такого прохожего, а сами всегда без отказа принимают и кормят таких людей.)

И как все истинно добрые дела, крестьяне не переставая делают это, не замечая того, что это доброе дело. А между тем дело это, кроме того, что есть доброе дело, «для души», есть дело и огромной важности для всего русского общества. Важность
40 этого дела для всего русского общества состоит в том, что если бы не было этого крестьянского народа и не было бы в нем того хри-

Странного чувства, которое так сильно живет в нем, трудно представить себе, что бы было не только с этими сотнями тысяч несчастных бездомных, бродящих людей, но и со всеми достаточными, в особенности, богатыми, деревенскими жителями, живущими оседлой жизнью.

Надо только видеть ту степень лишения и страдания, до которой дошли или доведены эти бездомные, бродящие люди, и вдуматься в то душевное состояние, в котором они не могут не находиться, для того, чтобы понять, что только эта помощь, оказываемая им крестьянами, удерживает их от вполне естественных в их положении насилий над теми людьми, которые владеют в излишке всем, что им, этим несчастным людям, необходимо только для поддержания своей жизни. 10

Так что не благотворительные общества и не правительство, с своими полицейскими и разными судебными учреждениями, ограждают нас, людей достаточных классов, от напора на нас дошедшего и большей частью доведенного до последней степени нищеты и отчаяния бродячего, голодного и холодного, бездомного люда, а ограждает так же, как и содержит и кормит нас, опять таки все та же основная сила жизни русского народа — 20 крестьянство.

Да, не будь среди огромного населения русского крестьянства того глубокого, религиозного сознания братства всех людей, уже давно, несмотря ни на какую полицию (ее же так мало и не может быть много в деревнях), не только разнесли бы эти бездомные люди, дошедшие до последней степени отчаяния, все дома богатых, но и поубивали бы всех тех, кто стоял бы им на дороге. Так что надо не ужасаться и удивляться на то, что, как это мы слышим и читаем, ограбили, убили человека с целью ограбления, а понимать и помнить то, что если это так редко случается, то обязаны мы этим только той бескорыстной помощи, которую оказывает крестьянство этому несчастному, бродячему населению. 30

К нам в дом заходит ежедневно от 10 до 15 человек. Из этого числа есть настоящие нищие, такие, которые почему-либо избрали этот способ прокормления, сшили себе сумы, оделись, обулись, как могли, и пошли по миру. Есть между этими слепые, безрукие или безногие, есть, хотя изредка, дети, женщины. Но таких малая часть. Большинство же нищих теперь, это нищие — прохожие без сумы, большую частью молодые и не 40

калеки. Все они в самом жалком виде, разутые, раздетые, исхудалые, дрожащие от холода. Спросишь: «куда идете?» Ответ почти всегда один: «искать работы», или «искал работы, да не нашел, ворочаюсь домой. Нет работы, везде прикрывают». Есть среди этих не мало и возвращающихся из ссылки.

Из этого-то большого числа нищих прохожих есть много самого различного свойства: есть люди явно пьющие, доведенные до этого своего положения вином, есть малограмотные, но есть вполне интеллигентные, есть скромные, стыдливые, есть, 10 напротив, назойливые, требовательные.

На-днях, только проснулся, Илья Васильевич говорит мне:

— У крыльца пятеро прохожих.

— Возьмите на столе, говорю я.

Илья Васильевич берет и подает, как заведено, по 5 копеек. Проходит около часа. Я выхожу на крыльцо. Ужасно оборванный, в совершенно развалившейся обуви, маленький человек, с нездоровым лицом, подпухшими, бегающими глазами, начинает кланяться и подает свидетельство.

— Вам подали?

20 — Ваше сиятельство, что же я с пятаком сделаю. Ваше сиятельство, войдите в мое положение. Подает свидетельство. — Извольте посмотреть, ваше сиятельство, извольте видеть, — показывает на свою одежду. — Куда я могу, ваше сиятельство (на каждом слове «ваше сиятельство», а на лице ненависть), что мне делать, куда мне деваться?

Я говорю, что подаю всем одинаково. Он продолжает умолять, требуя, чтобы я прочел свидетельство. Я отказываю. Становится на колени. Я прошу его оставить меня.

30 — Что же, мне, значит, руки на себя наложить? Одно остается. Больше делать нечего. Хоть что-нибудь.

Даю 20 копеек, он уходит, очевидно, озлобленный.

И таких, т. е. особенно неотвязных, очевидно, признающих за собой право требовать своей доли у богатых, особенно много. Это все большей частью люди грамотные, часто даже начитанные и для которых не даром прошла революция. Эти люди видят в богатых, не как обыкновенные старинные нищие, людей, спасающих свою душу милостыней, а разбойников, грабителей, пьющих кровь рабочего народа; очень часто такого рода нищий сам не работает и всячески избегает работы, но во имя рабочего 40 народа считает себя не только в праве, но обязанным ненавидеть